



© 2026. *Петр Дружинин*

Институт русского языка им. В.В. Виноградова

Российской академии наук, Москва, Россия

Как Михаил Бахтин не получил Государственную премию СССР 1971 года за книги о Достоевском и Рабле

© 2026. *Petr A. Druzhinin*

V.V. Vinogradov Institute of Russian Language

of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

How Mikhail Bakhtin Didn't Receive the USSR State Prize in 1971 for His Books about Dostoevsky and Rabelais

Информация об авторе: Петр Александрович Дружинин, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, ул. Волхонка, д. 18/2, 119019 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-3097-3375>

E-mail: petr@druzhinin.ru

Аннотация: В статье публикуются ранее неизвестные документы архивного дела Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР при Совете Министров СССР о выдвижении книг крупнейшего русского филолога и мыслителя XX века Михаила Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» на Государственную премию СССР 1971 года. Ранее в литературе рассматривался вопрос о выдвижении книг ученого на Государственную премию, но это касалось безуспешной попытки Мордовского университета представить

М.М. Бахтина на премию 1967 года. Кроме того, о выдвижении его книг на премию 1971 года было известно со слов Г.М. Фридлендера, а также из опубликованного в 2024 году отзыва Г.М. Фридлендера, однако никаких подробностей прохождения процедуры конкурса ранее известно не было. Комплекс публикуемых в статье архивных документов состоит из представлений, аннотаций, личной справки М. Бахтина о согласии с выдвижением, а также двух отзывов, которые были представлены по запросу Комитета видными учеными-литературоведами и на основании которых было принято решение об отклонении представления. Наряду с сугубо положительным отзывом Г.М. Фридлендера, в котором признавались заслуги М.М. Бахтина, решающее значение в решении Комитета сыграл обширный критический отзыв профессора Б.Г. Реизова, крупнейшего литературоведа середины XX века, в значительной степени определявшего официальную позицию в области изучения западноевропейских литератур, одновременно и специалиста по творчеству Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: Ф. Рабле, Ф.М. Достоевский, М.М. Бахтин, Г.М. Фридлендер, Б.Г. Реизов, Государственная премия СССР

Для цитирования: Дружинин П.А. Как Михаил Бахтин не получил Государственную премию СССР 1971 года за книги о Достоевском и Рабле // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 2 (34). С. 348–378. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-2-348-378>

Information about the author: Petr A. Druzhinin, DSc in Philology, PhD in History, Leading Research Fellow, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Volkonka St., 18/2, 119019 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-3097-3375>

E-mail: petr@druzhinin.ru

Abstract: The article publishes previously unknown documents from the archival file of the Committee for Lenin and State Prizes of the USSR under the Council of Ministers of the USSR concerning the nomination of two books by Mikhail Bakhtin—the most prominent Russian philologist and thinker of the twentieth century—for the 1971 USSR State Prize: *Problems of Dostoevsky's Poetics* and *Rabelais and His World: The Creative Work of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance*. The question of Bakhtin's nominations for the State Prize has been discussed in the scholarly literature, but only with regard to the unsuccessful attempt by Mordovia University to nominate M.M. Bakhtin for the 1967 prize. Furthermore, while the nomination of his books for the 1971 prize was known from the testimony of G.M. Fridlender and from a review by G.M. Fridlender published in 2024, no details of the competition procedure had previously come to light. The corpus of archival documents published in this article consists of nomination forms, annotations, Bakhtin's personal statement of consent to the nomination, and two reviews submitted at the Committee's request by prominent literary scholars, on the basis of which the decision to reject the nomination was made. Alongside the entirely positive review by G.M. Fridlender, which acknowledged Bakhtin's scholarly contributions, the decisive role in the Committee's decision was played by an extensive critical review by Professor B.G. Reizov—one of the foremost literary scholars of the mid-twentieth century, who largely determined the official position in the field of

Western European literary studies and was at the same time a specialist in the work of F.M. Dostoevsky.

Keywords: Rabelais, Dostoevsky, Bakhtin, Fridlender, Reizov, USSR State Prize

For citation: Druzhinin, P.A. "How Mikhail Bakhtin Didn't Receive the USSR State Prize in 1971 for His Books about Dostoevsky and Rabelais." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (34), 2026, pp. 348–378. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-2-348-378>

Частный вопрос научной и общественной биографии М.М. Бахтина о выдвижении его на различные премии рассматривался в литературе не раз. Обычно речь шла о Государственной премии СССР, встречаются и упоминания о том, что ученый выдвигался Мордовским университетом «на соискание Ленинской премии 1966–1967 гг. по совокупности созданных научных трудов» [Лаптун, 2001, с. 534].

В последнее время, впрочем, этот вопрос частично разрешен: путаница была устранена после статьи С.С. Конкина, в которой он приводил документы о выдвижении в декабре 1966 года Мордовским университетом книг М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» на соискание Государственной премии 1967 года [Конкин, 1998].

В 1967 году поданные материалы не были рассмотрены Комитетом по Ленинским и Государственным премиям по существу. Хотя к выдвижению присоединился глава Московской писательской организации СП РСФСР С.В. Михалков, дополнивший представление своим отзывом [Огрызко, 2016, с. 289], но последовал отказ в рассмотрении по тем основаниям, что материалы по выдвижению не были «оформлены в соответствии с существующими требованиями». И хотя впоследствии в литературе упоминается о выдвижении М.М. Бахтина в середине 1960-х годов «на соискание Ленинской премии» [Паньков, 2009, с. 91], речь идет именно о неудаче в подаче материалов на Государственную премию СССР. Сама же путаница в названиях премий проистекает из названия «Комитета по Ленинским и Государственным премиям», на который была возложена процедура рассмотрения кандидатов.

Порыв сотрудников Мордовского университета в 1966 году был связан еще и с тем, что в тот момент Государственная премия СССР была новшеством: она была учреждена постановлением ЦК КПСС и

Совета Министров СССР от 9 сентября 1966 года, в котором в частности было указано: «Ввести, начиная с 1967 года, Государственные премии СССР, которые присуждать ежегодно в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции», предусматривалось 60 лауреатов (50 по науке и технике, 10 по литературе, искусству и архитектуре)¹.

Впрочем, М.М. Бахтин, с самого начала отнесшийся к идее своего коллеги по кафедре С.С. Конкина о выдвижении на новую премию со скепсисом, откомментировал неудачу следующим образом: «Наивный вы человек! Неужели вы всерьез думали, что мне могли бы дать какую-либо премию?.. Неужели вы не знаете, что вокруг этих премий идут драки, и вопросы, с ними связанные, решаются в конечном счете в Кремле? Хорошо, что все закончилось так, как закончилось» [Конкин, 1998, с. 93].

Кроме этого прецедента рубежа 1966/1967 годов, был еще один, о котором в 1993 году упомянул Г.М. Фридлендер, перечисляя свои попытки отдать должное гению М.М. Бахтина: «В 1971 году я с удовольствием изъявил согласие написать для журнала “Известия Академии наук” (серия литературы и языка) статью о значении литературоведческих трудов Бахтина и указал на то, что они высоко ценятся не только мною, но и всей академической наукой. Позднее я (совместно с Е.Н. Купреяновой) просил Бахтина дать согласие на выдвижение его кандидатуры в члены-корреспонденты Академии наук. Я также написал представление о присуждении ему Государственной премии СССР по литературе, которое было, к сожалению, отклонено из-за возражений Б.Г. Реизова» [Фридлендер, 1993, с. 199–200].

В примечаниях Г.М. Фридлендер комментирует этот перечень: упоминает статью, написанную им в соавторстве с В.М. Жирмунским и Б.С. Мейлахом, и напечатанную в Известиях АН СССР [Фридлендер, 1971]: «Фактически весь текст статьи написан мною. Б.С. Мейлах внес в него из осторожности лишь несколько ограничительных поправок, считая, что вклад Бахтина в литературоведение мною преувеличен. В.М. Жирмунский подписал статью, лишь бегло просмотрев ее, и сказал мне при этом, что он весьма горячо сочувствует Бахтину за его мученическую судьбу, но не разделяет его литературоведческих идей,

¹ Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О Ленинских и Государственных премиях СССР в области науки и техники, литературы и искусства» // Собрание постановлений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1966. № 21. С. 458, ст. 188.

в частности идеи полифонического романа» [Фридлендер, 1993, с. 199]. Относительно академических лавров Г.М. Фридлендер также поясняет: «От выдвижения нами его кандидатуры в члены-корреспонденты Академии наук Бахтин отказался телеграммой, которая хранится в моем архиве» [Фридлендер, 1993, с. 200].

Однако ничего о выдвижении на Государственную премию, как и о роли Б.Г. Реизова, им не комментируется, равно нет никаких сведений об этом выдвижении и в литературе; можно лишь гипотетически соединить этот эпизод с инициативой В.В. Кожина, который «позже предложил сделать еще одну попытку и выдвинуть Бахтина на премию. Он считал, что без Бахтина дальнейшее развитие философии и литературоведения просто немыслимо» [Огрызко, 2016, с. 289].

Именно последний сюжет — второе выдвижение М.М. Бахтина на Государственную премию СССР — оказывается возможным осветить благодаря сохранившемуся делу Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в Российском государственном архиве экономики².

Вышедшая недавно работа об отношениях Г.М. Фридлендера и М.М. Бахтина [Мыслитель в своем отечестве, 2024, с. 176–198], затрагивая в том числе и контекст Государственной премии, частично предвосхитила настоящую публикацию: в архиве М.М. Бахтина в НИОР РГБ отложился присланный Г.М. Фридлендером экземпляр его отзыва, приложенный при письме от 19 марта 1971 года:

«Дорогой Михаил Михайлович! Посылаю Вам копию отзыва о Ваших работах, написанного по заказу Комитета по Ленинским и Государственным премиям, и желаю доброго здоровья и успехов. Отзыв направлен мною в Комитет около недели назад» [Мыслитель в своем отечестве, 2024, с. 190].

Публикуя этот отзыв, О.Е. Осовский, С.А. Дубровская делают следующую ремарку: «Нужно сказать, что пока история с выдвижением Бахтина на Государственную премию — это история со многими неизвестными: предварительные поиски в архивах не вывели нас на имя и дело Бахтина в “Комитете по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники”. Возможно, если пользоваться сегодняшней терминологией, Бахтин не попал даже в лонг-лист претендентов. Думается, однако, что вся эта история, не меняя радикально наши представления об отечественной рецепции

² РГАЭ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 2638. Л. 1–30.

Бахтина во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов, позволяя-ет дополнить ее важными деталями» [Мыслитель в своем отечестве, 2024, с. 187–188].

Поскольку дело М.М. Бахтина о выдвижении на Государственную премию 1971 года все-таки отыскалось в фонде Комитета (в хранилище РГАЭ в подмосковном Воронове), то исходя из имеющихся в нем материалов мы можем только согласиться с утверждением коллег: это архивное дело действительно имеет серьезный научный интерес.

Комитет по Ленинским
и Государственным премиям СССР
в области науки и техники
при Совете Министров СССР

3433

РГАЭ

фонда 180
описи 52
ед. хр. 2618

№ 51-71-4 филол
(индекс)

МАТЕРИАЛЫ

представления и рассмотрения работы,
поступившей на соискание Ленинской,
Государственной премии СССР

Бахтин М.М.

"Проблемы поэтики Достоевского,"

"Творчество Франсуа Рабле и
народная культура средне-
вековья и Ренессанса."

Начато 19 г.

Окончено 19 г. на 30 листах

Центральный государственный архив народного хозяйства СССР

ф. № 180 оп. № 3 инв. № 2638

Архивное дело о выдвижении М.М. Бахтина на Государственную премию СССР, 1971
(Российский Государственный архив экономики)
Archival file on Mikhail Bakhtin's nomination for the USSR State Prize, 1971
(Russian State Archive of Economics)

Если позиция Г.М. Фридлендера, которую он формулирует в своем отзыве на книги М.М. Бахтина высказана несколько иначе, чем в других его работах (более комплиментарна), но в целом лишь корректирует наше понимание о его отношении к ученому, то основной отзыв — Б.Г. Реизова (который по названию Комитета ошибочно считал, что работы М.М. Бахтина выдвигаются на самую главную в стране Ленинскую премию) — вносит в историю науки достаточно нового, причем как в историю науки о Достоевском, так и историю науки о Бахтине. Последнее особенно важно еще и потому, что ранее доподлинно ничего не было известно о роли Б.Г. Реизова, так что не было ничего особенного в том, что его имени нет в последнем очерке О.Е. Осовского «Бахтин и его явные и неявные оппоненты» [Мыслитель в своем отечестве, 2024, с. 213–235]. Однако положение Б.Г. Реизова, не только как рецензента, но и как ведущего в СССР специалиста в области романских литератур, вкупе с основными положениями его отзыва, говорит нам о том, что в действительности у М.М. Бахтина в те годы имелся серьезный и достаточно недоброжелательный оппонент.

Важно сказать о том, что в реалиях 1971 года слово Б.Г. Реизова было намного более веским, нежели Г.М. Фридлендера. Он был крупный романист, в тот момент находившийся на пике своей научной и общественной карьеры: зав. кафедрой западноевропейских литератур филологического факультета ЛГУ (и декан факультета в 1963–1969), в 1969 году ему было присвоено почетное звание Заслуженный деятель науки, а за месяц до написания отзыва, 24 ноября 1970 года, он был избран членом-корреспондентом АН СССР; впоследствии, что важно в контексте нашей темы, он станет и лауреатом Государственной премии СССР 1974 года за свои работы по истории французского романа XIX века. Творчеством же Ф.М. Достоевского он интересовался еще со студенческих лет, и первые научные работы Б.Г. Реизова в этой области датируются концом 1920-х годов [Дружинин, 2025, с. 260–264].

Документы этого небольшого архивного дела публикуются ниже в порядке хронологии; поскольку отзыв Г.М. Фридлендера имеет небольшие разночтения по сравнению с опубликованным вариантом, то мы его также помещаем; но еще более это делается нами для того, чтобы читатель смог увидеть ту зияющую пропасть, которая пролегла между двумя привлеченными Комитетом рецензентами в оценке научных трудов М.М. Бахтина. Отзывы Московской писа-

тельской организации, которые формально подписаны секретарем Правления Л.Н. Фоменко, вероятно, имеют коллективное авторство и принадлежат тем, кто приложил все свои усилия для выдвижения, то есть В.В. Кожинovu, В.Н. Турбину.

Сразу скажем о том, что публикуемые документы лингвистически отражают литературоведческий официоз советской эпохи с его привычными оценками и, даже в более широком плане, характерными для научной литературы устойчивыми противопоставлениями (демократического — буржуазному, прогрессивного — реакционно-му, материалистического — идеалистическому, гуманистического — бесчеловечному, народного — элитарному и т. п.). Это, безусловно, лишь усиливает те серьезные различия научных оценок, которые мы видим в позициях Б.Г. Реизова и Г.М. Фридлендера. Даже отзвуки в работах М.М. Бахтина идей Н.Я. Марра, которые были достаточно плодотворными в довоенном литературоведении [Дьяконов, 1988] и др., интерпретируются каждым из рецензентов в соответствии с избранным тоном: если Г.М. Фридлендер считает книгу о Рабле «непревзойденным по мастерству образцом исторической палеонтологии, вскрывающей для нас важную область культурного прошлого», то Б.Г. Реизов порицает автора за то, что «традиция школы Н.Я. Марра, которая увлекала нас в 1920-е годы, отразилась и в книге».

Формальным выдвижением М.М. Бахтина на премию занимался непосредственно Союз писателей РСФСР, членом которого М.М. Бахтин стал 2 декабря 1970 года: в этот день Правление Московской писательской организации утвердило решение бюро творческого объединения литературоведения и критики от 2 ноября [Огрызко, 2016, с. 296–297]. То есть мало того, что М.М. Бахтин был принят в Союз писателей невероятно быстро (заявление он формально подписал 1 сентября, рекомендации были даны А.С. Мясниковым, В.В. Кожинovým и В.Н. Турбиным [Огрызко, 2016, с. 293]), но и ровно в тот самый день, когда М.М. Бахтин вошел в Союз писателей, 2 декабря 1970 года, Правление выдвинуло его на соискание Государственной премии в области науки и техники на основании его книг о Достоевском и Рабле. Причина по которой ученый выдвигался именно в области «науки и техники», а не «литературы и искусства», была чисто практической: Государственных премий в области науки и техники вручалось намного больше.

Можно подивиться такой оперативности, но по-видимому это было важно для соблюдения сроков выдвижения; отчасти возникшей спешкой объясняется и тот факт, что в архивном деле, да и в самом процессе выдвижения не оказалось «поддержавших» это выдвижение, каковыми в обычном рутинном процессе выступали чаще всего профильные кафедры вузов, официальные письма от которых были призваны усилить позиции кандидата.

Что же касается целесообразности выдвижения как такового, то по-видимому выдвигавшие имели хотя бы робкую, но надежду на успех. Несмотря на критику, особенно вследствие выхода книги о Рабле, после которой «Бахтин окончательно приобретает ореол “нежелательности” для официальных инстанций, для чиновников от науки» [Осовский, 1993, с. 29], подробности вступления М.М. Бахтина в Союз писателей нам говорят и о том, что отношение к ученому тогда было поистине исключительным. Об этом можно судить хотя бы по лаконичной рекомендации В.Н. Турбина: «Сознаю и некоторый комизм своего положения: рекомендовать Бахтина в Союз писателей — то же, что рекомендовать Эйнштейна в некий Союз физиков, а Лобачевского — в Союз математиков; то, что Эйнштейн — физик, Лобачевский — математик, а Бахтин — писатель, должно, по-моему, предполагаться само собой» [Огрызко, 2016, с. 295].

Если в 1966 году М.М. Бахтин формально не имел отношения к подаче документов на премию, и даже наотрез отказался подписать Личный листок по учету кадров («Я не могу запретить членам кафедры делать то, что вы начали. Но никаких документов подписывать не буду. Вы делаете ненужное, бесполезное дело» [Конкин, 1998, с. 92]), то в 1970 году выдвижение не могло происходить без собственноручно подписанной автором справки, формального согласия. И эта справка имеется в деле, что однозначно говорит о примирении М.М. Бахтина с началом процедуры выдвижения; возможно В.В. Кожинув удалось убедить ученого в целесообразности. А возможно, что М.М. Бахтин и сам надеялся на успех, тем более, что получение Государственной премии в условиях ухудшающегося здоровья ученого и его супруги [Осовский, 1993, с. 29] дало бы важный материальный эффект — как моментальный (сама премия), так и более длительный (все дальнейшие гонорары лауреатов исчислялись по повышенной ставке).

СПРАВКА НА АВТОРА

Фамилия	- БАХТИН
Имя	- Михаил
Отчество	- Михайлович
Год рождения	- 1895
Партийность	- беспартийный
Национальность	- русский
Специальность	- литературовед
Почетное звание	- не имею
Ученая степень и звание	- кандидат филологических наук
Место работы	- литературная работа дома. Член Союза писателей СССР
Занимаемая должность	- не имею.
Домашний адрес:	- г. Климовск, Московской обл., Подольского р-на, Серпуховская ул., дом 1.
Телефон	- не имею.

 *M. Bakhtin*

Справка, подписанная Михаилом Бахтиным при согласии на выдвижение на

Государственную премию СССР, 1971

(Российский Государственный архив экономики)

Agreement signed by Mikhail Bakhtin upon nomination for the USSR State Prize, 1971

(Russian State Archive of Economics)

Кроме того, на рубеже 1960/1970-х в жизни М.М. Бахтина происходили неожиданные положительные события: в октябре 1969 года они с супругой навсегда покидают Саранск, он становится членом Союза писателей. Не было тайной, что за этими серьезными улучшениями его положения стоял Ю.В. Андропов (как известно, его дочь была участницей семинара В.Н. Турбина в МГУ, и это дало реальную возможность повлиять на биографию М.М. Бахтина) [Бочаров, 1999, с. 472], [Михаил Михайлович Бахтин, 2020, с. 27–28]. То есть события конца 1970 года подавали робкие надежды на то, что Государственная премия СССР для М.М. Бахтина не является чем-то абсолютно недостижимым.

О том, как развивались события, и чем они завершились, повествуют документы архивного дела.

[1]

СП РСФСР

Правление Московской писательской организации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА

Протокол № 17, п. 2

2 декабря 1970 г.

СЛУШАЛИ:

О выдвижении на соискание Государственной премии СССР 1971 года в области науки и техники книг Михаила Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса».

Присутствовали Секретари Правления: т. т.

Алексеев М.Н., Березко Г.С., Винниченко И.Ф., Жуков Ю.А., Грибачев Н.М., Карелин Л.В., Наровчатов С.С., Розов В.С., Рыбаков А.Н., Фоменко Л.Н., Рекемчук А.Е., Ильин В.Н.

ПОСТАНОВИЛИ:

Выдвинуть на соискание Государственной премии СССР 1971 года в области науки и техники книги Михаила Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса».

(Единогласно)³.

[2]

АННОТАЦИЯ

М.М. Бахтин. «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса».

(М., «Художественная литература», 1965).

Книга М.М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» вызвала огромный интерес

³ РГАЭ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 2638. Л. 5; машинопись на бланке.

у исследователей самых различных областей культуры. На нее то и дело ссылаются, принципы и открытия этого исследования применяют в своих работах не только литературоведы-западники, но и специалисты по русской литературе и литературам восточным (например, японской), теоретики литературы и фольклористы, эстетики и семиотики, медиевисты и исследователи истории религии. Такой необычайный диапазон откликов объясняется и богатством фактического содержания этой книги, но, главное, кардинальной новизной подхода, примененного в одной из самых трудных тем в истории литературы.

Уже в XVII веке роман Рабле представляется «неразрешимой загадкой» (Лабрюйер). С веками репутация загадочности лишь возрастала. А. Франс в своих лекциях о Рабле назвал его книгу «наиболее причудливой в мировой литературе». Современные французские критики идут еще дальше, выделяя Рабле как писателя «не столько неправильно понятого, сколько просто непонятого» (А. Лефевр), последнего представителя сверххархаического «дологического мышления» (Л. Февр), в принципе недоступного пониманию современного читателя; исследование известного историка Л. Февра стало основополагающим для современного академического раблеведения во Франции. Как не раз отмечала французская прогрессивная критика, после работ Л. Февра и его последователей Рабле стал для читателя навсегда закрытой «книгой за семью печатями».

На этом фоне можно в полном смысле слова говорить об «открытии» Рабле. Открытия, сопоставимого с эпохальными расшифровками языков давно исчезнувших культур, открытия их письменности, никем еще не прочитанной. Огромный фактический материал, на который опирается исследование о Рабле — литературные и фольклорные документы средневековой народной культуры — был почти весь известен и тщательно описан в необъятном множестве трудов, выполненных до М.М. Бахтина, но этот материал остался неосмысленным, неосознанным на особом своем языке мышления, а потому никак не раскрытым, «не столько неправильно понятым, как просто непонятым». Прочитанный на «старофранцузском» (но не в лингвистическом смысле слова), Рабле, по справедливому замечанию М.М. Бахтина, впервые оказался «у себя дома» — на фоне тысячелетней традиции впервые охарактеризованного народного «гротескного реализма», обладавшего особым миропониманием и своеобразным поэтическим языком. «Открытие» Рабле

тем самым оказалось и открытием целого континента архаического (т. е. доклассического) творчества — в масштабе общеевропейском и мировом.

Л. Фоменко

Секретарь Правления Московской писательской организации СП РСФСР⁴

[3]

АННОТАЦИЯ

М.М. Бахтин. «Проблемы поэтики Достоевского»
(М., «Советский писатель», 1963).

Книга М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» — глубоко новаторское исследование. Опубликование этой книги в 1963 году явилось событием большого значения для нашего литературоведения, а вместе с ним и для всего круга общественно-гуманитарных наук.

Хотя о Достоевском существует обширнейшая литература, можно сказать с уверенностью, что он открыт для нас заново. Научный пафос книги — опровержение субъективизма, который особенно распространен в истолковании Достоевского. Методологический уровень работы М.М. Бахтина выделяет ее среди всей огромной литературы о Достоевском. Научное значение книги следует особенно подчеркнуть; оно чрезвычайно велико. Верная методология — основа научного успеха М.М. Бахтина и достигнутых им выдающихся результатов. Трудно назвать другую литературоведческую работу, в которой бы так органично и убедительно было проведено исследование литературы в единстве содержания и формы. Исследователь следующим образом определяет свой методологический принцип: «Не понимая новой формы видения, нельзя правильно понять и то, что впервые увидено и открыто в жизни при помощи этой формы. Художественная форма, правильно понятая, не оформляет уже готовое и найденное содержание, а впервые позволяет его найти и увидеть» («Проблемы поэтики Достоевского», М., 1963, стр. 60). Руководствуясь этим принципом, исследователь сумел впервые с такой

⁴ РГАЭ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 2638. Л. 6–7; машинопись, подпись — автограф.

глубиной и ясностью разграничить то, что исторически преходяще в идеологии Достоевского и его героев, что отходит в прошлое, и непреходящее в Достоевском — его художественное открытие, «новую форму видения» и новый художественный мир, запечатлевшийся в новой структуре романа, созданной великим писателем: М.М. Бахтин определяет ее как полифонический роман Достоевского. Эта новая форма романа в понимании М.М. Бахтина глубоко содержательна во всех своих моментах: в ней непосредственно воплощается новое понимание человека. Так исследование вопросов поэтики ведет исследователя к большим проблемам гуманизма Достоевского.

Круг проблем и идей этой книги значительно шире творчества Достоевского; содержание книги перерастает тему, непосредственно обозначенную в ее заглавии. Целый комплекс общих теоретических вопросов литературы и языка здесь получили углубленную и новаторскую разработку; это прежде всего теория жанра (особенно теория романа) и теория слова в художественной прозе. М.М. Бахтин открыл диалог как такое явление языкового общения людей, которое для своего изучения требует объединения усилий литературоведения, языкознания и философии. Развита в «Проблемах поэтики Достоевского» концепция слова в социальном общении людей и в литературе открывает совершенно новое научное направление, для которого нужен синтез методов литературоведческого и лингвистического исследования. Вообще характерная для современного уровня научного развития тенденция к синтезу проблематики и методологии, и методологии разных наук в высокой степени свойственная труду М.М. Бахтина. Общенаучное значение его весьма велико. Современная советская философия, лингвистика, социология, не говоря уже о литературоведении, питаются идеями этой книги. Нельзя не отметить также, что при своей безупречной научной строгости это замечательное литературное произведение.

Л. Фоменко

Секретарь Правления Московской писательской организации СП РСФСР⁵

⁵ РГАЭ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 2638. Л. 8–10; машинопись, подпись — автограф.

[4]

СПРАВКА НА АВТОРА

Фамилия	— БАХТИН
Имя	— Михаил
Отчество	— Михайлович
Год рождения	— 1895
Партийность	— беспартийный
Национальность	— русский
Специальность	— литературовед
Почетное звание	— не имею
Ученая степень и звание	— кандидат филологических наук
Место работы	— литературная работа дома. Член Союза писателей СССР
Занимаемая должность	— не имею
Домашний адрес	— г. Климовск, Московской обл., Подольского р-на, Серпухов- ская ул., дом 1
Телефон	— не имею

М. Бахтин⁶

[5]

ОТЗЫВ

о книгах М. Бахтина: «Проблемы поэтики Ф.М. Достоевского», изд. 2, 1963 и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», 1965.

Обе книги, представленные в Комитет по Ленинским и Государственным премиям на предмет присуждения автору Ленинской

⁶ РГАЭ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 2638. Л. 11; машинопись, подпись — автограф.

премии, свидетельствуют о хорошей осведомленности автора в научной литературе о Достоевском и Рабле, о широком диапазоне его историко-литературных познаний, о знакомстве с зарубежными философскими системами последних двух столетий. Эти книги свидетельствуют также об умении оперировать философскими понятиями и излагать мысли в сложной форме, с некоторыми неологизмами, что может привлечь широкие круги читателей, мало искушенных в философском стиле различных эпох. Обе книги, несомненно, интересуют тех, что будет изучать историю нашего литературоведения. Однако вместе с этими достоинствами следует указать и недостатки обеих книг.

Недостатки книги о Достоевском не раз указывались в советской печати. Подверглась критике теория «полифонии», открытой автором в романах Достоевского. Автор справедливо утверждает, что до него никто не был в состоянии обнаружить эту особенность Достоевского, которая, по словам М. Бахтина, является сущностью творчества великого писателя. Автор утверждает также, что ни один другой писатель мировой литературы не открыл «полифонию» в действительной жизни и что Достоевский в этом тоже был совершенно одинок, не считая его предшественников-романистов, которые, будучи предшественниками, все же не были полифонистами.

В обильной истории вопроса автор говорит о своих собственных предшественниках, которые все ошибались в самом главном, не признавая или не понимая полифонии, — за исключением одного только А.В. Луначарского, напечатавшего хвалебный отзыв о книге М. Бахтина. Но и Луначарский, по мнению М. Бахтина, был недостаточно точен в воспроизведении взглядов М. Бахтина и не дошел до подлинного понимания проблемы.

«Часто почти все забывали, — пишет М. Бахтин, — что Достоевский прежде всего художник, а не философ и публицист» (стр. 4). Это основное положение проходит через всю книгу и в значительной мере определяет ее методологию. Не будучи философом-профессионалом, Достоевский в течение всей своей творческой жизни занимался философскими проблемами нравственного и социального характера и был, конечно, публицистом широкого плана, автором замечательных статей, занимающих несколько томов в собрании его сочинений. Забывать эти статьи при изучении его творчества, конечно, не следует. К сожалению, М. Бахтин, занимаясь Достоев-

ским-«художником», не обращает внимания на его размышления о философских и социальных проблемах.

М. Бахтин утверждает, что Достоевский был первым и единственным представителем «полифонического» романа. Однако, в творчестве многих великих писателей XIX века можно обнаружить те же проблемы и те же тенденции, которые имеет в виду М. Бахтин. Эти тенденции были обнаружены критиками очень давно, потому что сами романисты формулировали их в своих статьях и письмах. Эти тенденции и их художественные результаты в романах могли бы быть истолкованы так же, как толкует их М. Бахтин в романах Достоевского, если бы это толкование и само понятие полифонии, которое М. Бахтин ввел в сокровищницу литературных терминов, было бы приемлемо. Из предшественников полифонии Достоевского в книге упоминаются Данте, Шекспир и Бальзак, но только для того, чтобы сказать, что они не были полифонистами и не видели необходимости этого метода. Ближе к Достоевскому, по мнению М. Бахтина, был Чернышевский, но не в законченных своих произведениях, а в нескольких строках, в которых он набросал замысел ненаписанного романа под названием «Перл создания».

Существо полифонии Достоевского, по словам М. Бахтина, заключается в том, что в его романах отсутствует точка зрения самого автора, — говорят, мыслят, видят мир только его герои. Происходит это потому, что мировоззрение, мысль Достоевского создают не содержание его романов, а только их форму, а уж форма и создает само содержание, которое не отражает ни мировоззрения, ни замысла автора. Его герои, утверждает М. Бахтин, свободны от своего автора, они делают что хотят, а не то, чего хочет их автор. Иначе говоря, они свободны и как живые люди, и как персонажи романа.

Чужие сознания, существующие и разговаривающие в романах, участвуют в «диалоге», понимаемом в широком смысле этого слова, а «диалог» не приводит ни к какому результату, так же как и диалог каждого персонажа с самим собой не приходит ни к какому заключению или выводу. Истина не существует вне человека, она не может быть передана другому человеку, потому что каждая истина индивидуальна.

Мне кажется, что такая точка зрения никак не соответствует ни взглядам, ни творчеству Достоевского. Плюрализм и персонализм, ведущие свое начало в новой философии от Ш. Ренувье и вошедшие в моду особенно после первой мировой войны, очевидно, сказались

и на анализе творчества Достоевского, произведенном М. Бахтиным, и оставили след на его терминологии.

Не могу согласиться и с тем, что авторская точка зрения в романах Достоевского отсутствует, и что «диалог», происходящий между его героями, не имеет никакой цели, поскольку они «свободны» и каждый является особым миром, не способным к общению с другим миром. Романы Достоевского, несущие совершенно отчетливую, глубокую общественную и нравственную мысль, представленные в таком виде, обесмысливаются: преграда, которая в виде формы стоит между автором и содержанием, не пропускает в романы Достоевского их автора.

М. Бахтин утверждает также, что Достоевский рассматривает психические процессы, изображаемые в его романах, как необуловленные временем: Достоевский не нуждается во времени, он его преодолевает. По этому поводу М. Бахтин вспоминает теорию относительности Эйнштейна, справедливо при этом утверждая, что это не одно и то же. То, что Достоевский внимательно читал газеты, М. Бахтин понимает как желание уничтожить время и рассматривать проблемы, беспокоящие его героев, как вневременные и, конечно, персональные. Однако нам хорошо известно, что Достоевский точно датировал явления, которые он изучал в своих романах, предисловиях, статьях, но, по-видимому, для М. Бахтина это не имеет значения, потому что, с его точки зрения, мировоззрение художника не проявляется в содержании его романа. В результате возникает необходимость исследовать роман не с позиции автора, его создавшего, а с позиции читателя, т. е. в соответствии с восприятием и намерениями этого читателя. Ни восприятие, ни намерения М. Бахтина не кажутся мне правильными.

М. Бахтин очень кратко говорит и о происхождении полифонии в романах Достоевского и объясняет этот факт полифонией общества, которая была вызвана проникновением в Россию капитализма, принесшего с собой острые социальные противоречия. Такое объяснение кажется недостаточно обоснованным. Во-первых, оно говорит не об отношении Достоевского к этому явлению современной ему действительности, а только о самом этом явлении, не исследуя работы мысли, которая привела Достоевского к пониманию этого явления. Во-вторых, нужно было бы объяснить, почему полифония в литературе не возникла в какие-либо другие моменты в истории хотя бы XIX века, не менее, а более острые, чем эпоха Достоевского.

В-третьих, следовало бы объяснить, почему в ту же эпоху и в той же стране только один Достоевский открыл эту полифонию, между тем как величайшие ему современные писатели, например Лев Толстой, не обратились, по мнению М. Бахтина, к «диалогу», а остались в пределах примитивного и традиционного «монолога».

Я не могу согласиться с философскими рассуждениями этой книги, потому что они кажутся мне ошибочными. Кроме того, по моему мнению, они не могут дать никакой сколько-нибудь серьезной основы для изучения творчества Достоевского, построенного на совсем других философских и нравственных представлениях. Об этих представлениях, о мировоззрении Достоевского, о задачах, которые он себе ставил, в книге М. Бахтина по причинам, о которых говорилось выше, не сказано ни слова.

По моему мнению, книга эта заключает в себе крупные недостатки, которые не позволяют мне считать ее достойной Ленинской премии.

Основная задача книги М. Бахтина о Рабле — доказать «карнавальный» характер романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». В карнавале, пишет автор, играет сама жизнь, а игра на время становится самой жизнью. Карнавал — это вторая жизнь народа, организованная на основе смеха (стр. 11). В празднике выражался «мир высших целей человеческого существования», момент смерти и возрождения, смены и обновления (стр. 12). Этот «мир высших целей» получал свое выражение в «смеховой культуре» и смеховой литературе на латинском языке, в проповедях протестантских проповедников, в площадной речи, т. е. всюду, где мог возникнуть смех или насмешка. В «гротескном реализме» «материально-телесное начало» воспринимается как универсальное и всенародное (стр. 24, след.). Отсюда роль гротеска в литературе от античности до наших дней. М. Бахтин отмечает, что средневековый и ренессансный гротеск реалистичен и этим отличается от «романтического» и «модернистского»: оба эти гротеска нереалистичны, хотя романтический, по-видимому, ближе к реалистическому и потом и к ренессансному. Гротеск, по утверждению М. Бахтина, появляется в XIX веке в творчестве Стендаля, Бальзака, Гюго и Диккенса. У этих писателей он реалистичен, потому что воспроизводит традицию средневекового и ренессансного гротеска и реализма, а разрыв с ренессансной традицией гротеска приводит к натурализму. Следовательно, без ренессансной традиции не может

существовать не только гротеск, но и реализм, поскольку крупнейшие писатели XIX века должны были поддерживать ренессансную традицию, чтобы стать реалистами.

На этих общих положениях построена трактовка романа Рабле. Народность и реализм его романа, по мнению М. Бахтина, определяется «смеховой культурой» античного, средневекового и ренессансного мира.

Смех, по мнению Бахтина, играет очень большую роль в развитии цивилизации, философии, науки и общества. Серьезность кажется М. Бахтину делом консерватизма умственного, научного и политического. Только благодаря карнавальному веселью Сократ освободился от серьезности и смог стать основоположником критической философии: он тоже был «связан с карнавальными формами античности, которые... и освободили его от односторонней риторической серьезности» (стр. 133). По мнению автора «подлинная открытая серьезность не боится ни пародии, ни иронии... ибо она ощущает свою причастность незавершенному целому мира». Как доказательство и пример открытой серьезности М. Бахтин приводит сцену из «Моцарта и Сальери» Пушкина, где Моцарт является выражением «подлинной», а Сальери — не подлинной серьезности, потому что Моцарт смеется, а Сальери — нет (стр. 134).

В главе II характеризуется народная традиция карнавального смеха при помощи весьма древнего тождества «жизни — смерти», получающего свое выражение в испражнении, мочеиспускании и вообще деятельности «материально-телесного низа». В обливании мочой, забрасывании калом, в деятельности желудочно-кишечной системы автор видит глубокую критику современного Рабле государственного строя и общества. В этом и народность книги.

Народность романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», понимавшаяся достаточно широко в разных планах, была много раз исследована — как тема романа, как форма борьбы с современным обществом, с его религией и мировоззрением, как позиция, с которой ведется эта борьба или критика, как форма литературного выражения и т. д. Оригинальным в книге М. Бахтина является попытка связать роман Рабле с древнейшими формами смеха — ритуального или народного (под этими традиционными названиями часто скрываются очень различные и очень близкие понятия). Исследование этих истоков, ведущих к дологическому сознанию, может принести некоторую пользу для понимания генезиса отдельных форм

раблезианского смеха. Оно может сообщить полезные сведения, касающиеся истории смеха во времена бесконечно более древние, чем время Рабле. Но возникающее при этом смешение различных эпох и архаизация ренессансного мышления мешают пониманию и ренессансной культуры, и творчества Рабле. В этом и заключается, как мне кажется, главный недостаток книги — ошибка, которую совершали когда-то представители школы Н.Я. Марра, объяснявшие сюжеты и образы Кретьена де Труа, Шекспира, Кальдерона и гораздо более поздних авторов мышлением первобытных народов, дологическим сознанием, реликтами древних культов. Мне кажется, что эта традиция школы Н.Я. Марра, которая увлекала нас в 1920-е годы, отразилась и в книге М. Бахтина.

Обливание мочой, забрасывание калом, деятельность «нижней части тела», вероятно, могли когда-то вызвать смех, но видеть в этих актах свидетельство прогрессивности народного сознания мне кажется необоснованным. Нужно было бы доказать, что амбивалентность этих актов и тождество «жизнь — смерть» сохранились в сознании людей XVI века. Эти вопросы в книге не решены и, в сущности, не поставлены. Тождество «жизнь — смерть» — явление доисторического мира, дошедшее до нашего времени только в различных культах и ставшее непонятным еще в очень древние времена. Деятельность «нижней части тела» в XVI веке никому не говорила ни о смерти, ни о жизни. Эта деятельность уже тогда и давно приобрела другой смысл, который, мне кажется, и нужно было учитывать, изучая роман Рабле.

Рассматривать творчество Рабле вне истории новой ренессансной мысли, гуманистической учености, которой такую дань отдал сам Рабле, один из ученейших людей своей эпохи, конечно невозможно, а в книге М. Бахтина этот весьма важный аспект культуры и литературы XVI века разработан явно недостаточно. Без этого никакая проблема, касающаяся культуры и литературы Ренессанса, не может быть понята и объяснена до конца.

По моему мнению, «народность» «Гаргантюа и Пантагрюэля» нельзя сводить к площадной драме, к карнавалу и актам, о которых говорилось выше. Можно думать, что М. Бахтин не хотел этого делать, но основной темой его книги становится именно такое толкование «народности». Действительную народность этого романа можно найти и в обращении к античности, и не только в форме деятельности нижней части тела, но и в более общих и вместе более

конкретных идеях, связанных с другими органами тела, во взглядах на современное общества, на права и законы жизни и т. д. Роман Рабле, это великое явление культуры Ренессанса, возникает не из одной только «смеховой культуры», как бы далеко в глубь веков она ни просматривалась.

М. Бахтин настаивает на том, что «смех» существовал в протестантских проповедях, доказывая этим протестующий, критический характер этого смеха и его прогрессивную общественную функцию. Однако известно, что смешные анекдоты самого непристойного свойства часто встречались и в проповедях католических священников и сохранились в анналах истории — Вольтер, например, широко использовал эти анекдоты для борьбы с религией. Но непристойные анекдоты рассказывались с кафедр католических соборов не для того, чтобы подвергнуть критике существующий строй, а чтобы убедить прихожан в том, что женщина — врата, раскрытые во пропасти ада. Смешным героем этих рассказов, как и фавлю, очень часто был обманутый и недалекий крестьянин. Эти и другие подобные факты заставляют думать, что смех мог выражать не только народную и не только прогрессивную идеологию. Впрочем, это было давно все известно.

Мне кажется рискованным утверждение, что гротеск у Стендаля, у Диккенса, у Гюго ведет свое происхождение от Ренессанса: ни у одного из этих писателей смех не похож на карнавал и на деятельность нижней части тела. У Стендаля, по-моему, гротеска нет, у Диккенса его довольно мало, у Бальзака он встречается только в «Озорных сказках». Если гротеск Гюго идет от Ренессанса, то он должен быть реалистический, а это, согласно принятым у нас мнениям, может показаться не совсем понятным. Все-таки, по моему мнению, века XIX и XX вполне могли бы создать свой собственный реализм и гротеск, если бы ощущалась в нем надобность, без прямой поддержки Рабле и XVI века.

Не могу согласиться и с тем, что пародия и ирония всегда явление прогрессивное, о чем, по мнению М. Бахтина, свидетельствует пример Моцарта и Сальери. Осмеивать можно все что угодно, а потому и смех может быть и прогрессивным, и реакционным. Но и тот и другой смех может быть понят как «причастность к незавершимому делу целого мира» в зависимости от обстоятельств и от точки зрения на мир.

Несмотря на указанные выше положительные качества обеих книг М. Бахтина, недостатки их таковы, что признать каждую из них в отдельности или обе вместе достойными Ленинской премии нет никакой возможности.

Член-корреспондент Академии наук СССР
заслуженный деятель науки профессор
Б. Реизов

<Ленинград, начало марта 1971 года>⁷.

[6]

В Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР
в области науки и техники

ОТЗЫВ

о работах М.М. Бахтина: «Проблемы поэтики Ф.М. Достоевского» (изд-во «Советский писатель», М., 1963) и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (изд-во «Художественная литература», М., 1965), представленные на Государственную премию.

По широте и оригинальности концепции, богатству материала, глубине и тонкости его разработки, важности теоретических и практических выводов для литературоведения и всего комплекса общественно-гуманитарных наук, обе работы Бахтина, представленные на Государственную премию, принадлежат к выдающимся явлениям советской и мировой науки. Огромные достоинства этих работ, их талантливость и международная известность, то признание, которое они заслуженно получили, блестящее развитие в них историко-материалистического метода исследования явлений истории культуры — все это безусловно дает М.М. Бахтину право на присуждение за его работы Государственной премии СССР. Думаю, что присуждение М.М. Бахтину Государственной премии будет не только актом справедливой научной оценки его выдающихся научных достижений,

⁷ РГАЭ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 2638. Л. 12–23; машинопись, подпись — автограф, подчеркивания в тексте авторские. На л. 23 помета «Получено 15 марта <1971>».

но и будет с удовлетворением встречено всей советской научной общественностью.

Первое издание работы М.М. Бахтина о Достоевском вышло в 1929 г. С тех пор автор значительно расширил эту работу, обогатив ее новыми плодотворными идеями. Но уже в первом своем издании книга эта была научным событием, и недаром ее тогда же высоко оценил А.В. Луначарский. М.М. Бахтин сразу же далеко вышел в этой работе за горизонты и тогдашнего вульгарного социологизма, и тогдашней «формальной школы». Опираясь на широкое исследование творчества Достоевского в перспективе развития жанра романа в русской и зарубежной литературе, изменения его выразительных средств и языка, М.М. Бахтин отчетливо и убедительно показал, с одной стороны, что художественное творчество неравнозначно субъективной классовой психологии, являясь сложным отражением субъективной реальности, а с другой — что этому отражению присуща всегда определенная историческая структура, несводимая к набору внешних, технических средств и «приемов» (как полагали формалисты), но определяемая содержанием художественной мысли. На этой, методологически верной, основе автор и построил свою блестящую, составившую новое слово в развитии науки о Достоевском характеристику его творчества. Достоевский, — по мысли Бахтина, — писатель, основные особенности творчества которого сформированы его эпохой — эпохой капитализма с характерной для нее «многоголосостью» — существованием множества взаимодействующих социальных групп, классов, идеологий, человеческих индивидуальностей, несводимых друг к другу. Эта «многоголосость» общественной жизни породила соответствующую ей «многоголосость» как основной, специфический признак поэтики Достоевского. Живя в «многоголосом», социально, идеологически и психологически дифференцированном, многомерном мире, Достоевский строит свою поэтику, исходя из признания этой многомерности мира как его определяющего, конституирующего принципа. Поэтому он не стремится привести этот мир к некоему условному единому знаменателю. Наоборот, он показывает, что в мире, который он изображает, сам человек также внутренне многомерен, носит в себе множество спорящих людей, множество «голосов». Отсюда — полифонизм изображения мира и человека в творчестве писателя, многомерность речи его персонажей. Каждый из них не только обращается к собеседнику, но и спорит с собой, использует в этом споре

речь собеседника, его слова, его точки зрения, цитирует памятники мировой литературы, спорит с их авторами, сопоставляет себя с ее героями, с историческими лицами, применяет к себе их изречения и психологию. Поэтому речь персонажа имеет одновременно много адресов, она также драматизирована, многомерна и многосмысленна как современный художнику мир.

Таким образом, уже в первом издании своей книги о Достоевском М.М. Бахтин блестяще показал, что художественный мир писателя представляет собой конкретное целое. Причем его своеобразие, его внутренняя логика и специфические элементы определяются движением самой жизни. Без глубокого понимания истории общества, его структуры и ее изменений нельзя понять и специфических механизмов художественного творчества, законов поэтики и стиля.

Этот свой основной, глубоко материалистический вывод, противостоящий идеализму и формализму многочисленных представителей буржуазного литературоведения не только 1920-х годов, но и наших дней, М.М. Бахтин развил дальше и дополнил во втором издании своей книги о Достоевском (1963) и, особенно, в книге о Рабле, являющейся одним из крупнейших достижений филологической науки XX века.

Анализируя творчество Рабле, М.М. Бахтин показал, что в творчестве этого крупнейшего художника французского Возрождения ничего нельзя понять, если подходить к нему с внеисторическими критериями, как обычно поступали и поступают буржуазные ученые. Художественный мир Рабле — не индивидуальное явление. За причудливым, гротескным миром его романа стоит целый пласт общенародных представлений, характерный для ряда исторических эпох и представляющий собой важнейший фон всего их литературного развития (хотя большинство историков литературы и духовной культуры античности, средневековья и Возрождения вплоть до наших дней мало его учитывали). В то время как господствующие классы античного и средневекового общества вырабатывали свои — сложные — формы культуры, официальную идеологию и государственность, народные массы на протяжении многих веков хранили и развивали свой богатый фонд этических и художественных представлений, языческих по своему духу и уходящих своими корнями в культуру первобытно-коммунистического, родового, доклассового общества. Этот фонд общенародных представлений составлял низовую, демократическую традицию культуры средневе-

ковья и Возрождения. Она находила свое выражение в празднествах карнавального типа, площадных балаганных зрелищах и озорстве, насыщенных неприятием культуры и идеологии господствующих классов, противопоставляющих им иной, более справедливый, язычески материалистический по своему духу нравственно-эстетический идеал. Изучение романа Рабле, возникшего на гребне этой демократической традиции, на путях ее скрещения с литературной традицией Возрождения, позволяет проникнуть в тайну целого — огромного по своему значению — явления истории человеческой культуры, понять внутреннюю логику представлений, характерных для низовой, демократической культуры многих, отдаленных от нас эпох, их взаимосвязь, место каждого из них в системе целого. Подобную задачу и поставил перед собой М.М. Бахтин, блестяще справившийся с нею. Его исследование — непревзойденный по мастерству образец исторической палеонтологии, вскрывающей для нас важную область культурного прошлого. Плодотворность своей идеи и своего исторического метода М.М. Бахтин доказал не только своей интерпретацией творчества Рабле, но и своей интерпретацией огромного материала забытых и малоисследованных жанров и произведений мировой литературы — от античных «мениппей» и сократических диалогов до ряда произведений литературы XIX века, где своеобразно переосмысляются или развиваются в новых художественных целях «карнавальные» представления и образы.

Как во всякой большой и творческой работе, в исследованиях М.М. Бахтина есть и отдельные спорные вопросы, отдельные моменты, подлежащие дальнейшему развитию и уточнению. Некоторые из таких моментов отмечены в статье о работах М.М. Бахтина, написанной автором этих строк совместно с акад. В.М. Жирмунским и проф. Б.С. Мейлахом и напечатанной в «Известиях Академии наук СССР (серия литературы и языка)», 1971, № 1. Однако, как показано в той же статье, — огромная ценность основных идей этих работ, их значение для литературной, исторической и общественной науки — вне сомнений. В частности, книгу о Рабле можно охарактеризовать как научное открытие первостепенного значения, — понятие, которое лишь редко можно применить к области историко-литературных и историко-культурных исследований.

Своей работой о Достоевском М.М. Бахтин внес выдающийся вклад в изучение национального литературного наследия. Книгой же о Рабле он сделал не менее выдающийся вклад в изучение миро-

вой художественной классики — и притом той ее демократической и гуманистической линии, которая особенно созвучна нашему времени. В то же время работы М.М. Бахтина заново осветили ряд общих, принципиальных вопросов исторический поэтики, — таких как соотношение эпоса и романа, проблема происхождения романа, роль комических, «смеховых» жанров в становлении литературы нового времени, вопрос о языке художественной прозы, его структуре и связях его развития с общим процессом социального развития, движением материальной и духовной культуры. Эти важнейшие теоретические выводы из работ М.М. Бахтина, имеющие поистине непреходящее значение и столь же важные для изучения прошлого, так и для анализа современного литературного процесса, он раскрыл в своих, примыкающих к его книгам, последних по времени появления в печати обобщающих статьях «Слово о романе» и «Эпос и роман».

Исключительное значение работ М.М. Бахтина для советской филологической науки, их историзм, глубина и фундаментальность, счастливое сочетание теоретического и исторического аспектов исследования большого и сложного материала, практическая важность для исследования процессов современной литературы и, в особенности, романа XX века, значение этих работ для борьбы с идеализмом и антиисторизмом буржуазного литературоведения, его стремлением оторвать литературу от реальной жизни и истории, и свести к набору неизменных «структурных» или мифологических элементов — все эти качества работ М.М. Бахтина позволяют горячо рекомендовать их Комитету для присуждения Государственной премии.

Старший научный сотрудник Института русской литературы
АН СССР

Доктор филологических наук
Г. М. Фридлендер

Ленинград, 6 марта 1971⁸.

⁸ РГАЭ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 2638. Л. 24–28; авторизованная машинопись, подпись — автограф, подчеркивания в тексте авторские. На л. 23 помета «Получено 11 марта 1971 г.».

[7]

Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР
в области науки и техники при Совете Министров СССР
Секция филологических наук

Протокол рассмотрения работы № Гп-4филол 1971 г.
представленной на соискание Государственной премии СССР

Название работы:

1. «Проблемы поэтики Достоевского» (изд-во «Советский писатель», М., 1963).

2. «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (изд-во «Художественная литература», М., 1965).

Авторы:

Бахтин М.М.

Работу представили:

1. Правление московской организации писателей РСФСР.

Работу поддерживают:

Аннотация:

1. В книге «Проблемы поэтики Достоевского», на основе тонкого и точного анализа героя и сюжета, идеи и стиля, глубокого проникновения в художественную архитектонику романов Ф.М. Достоевского, решается проблема новаторства писателя.

2. В книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» автор, последовательно осуществляя принцип исторического подхода к анализу литературного явления, показывает, что за художественным миром романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» стоит целый пласт общенародных представлений, составляющих демократические традиции культуры средневековья и Возрождения, ярко выразившиеся в карнавальных празднествах.

Выводы рецензентов и организаций (по запросам Комитета)

1. Рецензент Комитета — член-корреспондент АН СССР Б.Г. Реизов дал развернутую критическую оценку и считает каждую книгу в отдельности или обе вместе не достойными премии.

2. Рецензент Комитета — доктор филологич. наук Г.М. Фридендер высоко оценил обе книги М.М. Бахтина и считает их достойными премии.

Выдвижение работы на конкурс:

а) Дата обсуждения и решение секции:

19 марта 1971 г.

Секция, в соответствии с результатами голосования, не рекомендовала работу на конкурс.

Голосование: на конкурс — 2, отклонить — 13, недействит. — 0.

б) Решение Комитета:

19 мая 1971 г.

Отклонить.

Голосование: на конкурс — 3, отклонить — 90%.

[8]

<Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР
в области науки и техники при Совете Министров СССР
Секция филологических наук>

18 июня 1971 г.

Правление Московской писательской организации
Союза писателей РСФСР

Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники возвращает материалы представленной на соискание Государственной премии СССР работы М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса».

Работа не рекомендована Пленумом Комитета на конкурс.

Приложение: 8 книг, 3 папки.

Ученый секретарь Комитета

профессор

Н. Аржаников¹⁰

<Помета: ул. Воровского, 50. Шофер Никифоров.>

⁹ РГАЭ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 2638. Л. 1 — 2об; машинопись на бланке.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 2638. Л. 29; машинописный отпуск.

Список литературы

1. Бочаров, 1999 — Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 626 с.
2. Дружинин, 2025 — Дружинин П.А. Из истории изучения Ф.М. Достоевского в 1920-е годы: К столетию организации Группы по изучению творчества Достоевского в ИЛЯЗВ // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 232–276. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-232-276>
3. Дьяконов, 1988 — Дьяконов И.М. По поводу воспоминаний О.М. Фрейденберг о Н.Я. Марре / Из наследия О.М. Фрейденберг // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988. С. 178–181.
4. Конкин, 1998 — Конкин С.С. К вопросу о выдвижении книг М. Бахтина на соискание Государственной премии // Невельский сборник: статьи, письма, воспоминания. 1998. Вып. 3. С. 89–93.
5. Лаптун, 2001 — Лаптун В.И. Хронограф жизни и деятельности М.М. Бахтина // М.М. Бахтин: pro et contra: Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. СПб.: РХГИ, 2001. Т. 1. С. 521–549.
6. Михаил Михайлович Бахтин, 2020 — Михаил Михайлович Бахтин: личность и наследие: монография / О.Е. Осовский, В.П. Киржаева, С.А. Дубровская [и др.]; отв. ред. С.А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2020. 229 с. (Бахтинская энциклопедия: материалы. Вып. 2).
7. Мыслитель в своем отечестве, 2024 — Мыслитель в своем отечестве: страницы истории рецепции личности и идей М.М. Бахтина в XX – начале XXI века: монография / О.Е. Осовский, С.А. Дубровская, Е.Г. Маслова, А.В. Струкова; под общ. ред. О.Е. Осовского; науч. ред. сер. С.А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2024. 240 с. (Бахтинская энциклопедия: материалы. Вып. 3).
8. Огрызко, 2016 — Огрызко В.В. А судьи кто?! Русские критики и литературоведы XX века: Судьбы и книги. М.: Литературная Россия, 2016. 715 с.
9. Осовский, 1993 — Осовский О.Е. Человек. Слово. Роман: (Научное наследие М.М. Бахтина и современность). Саранск: Трио, 1993. 144 с.
10. Паньков, 2009 — Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М.: МГУ, 2009. 719 с.
11. Фридлендер, 1971 — Фридлендер Г.М., Мейлах Б.С., Жирмунский В.М. Вопросы поэтики и теории романа в работах М.М. Бахтина // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1971. Т. 30. № 1. С. 53–61.
12. Фридлендер, 1993 — Фридлендер Г.М. Наследие М.М. Бахтина вчера и сегодня // Русская литература. 1993. № 3. С. 198–206.

References

1. Bocharov, S.G. *Siuzhety russkoi literatury [Plots of Russian Literature]*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 626 p. (In Russ.)
2. Druzhinin, P.A. "Iz istorii izucheniia F.M. Dostoevskogo v 1920-e gody: K stoletiiu organizatsii Gruppy po izucheniiu tvorchestva Dostoevskogo v ILIAZV" ["From the History of the Study of F.M. Dostoevsky in the 1920s: On the Centenary of the Establishment of the Group for the Study

of Dostoevsky's Work at ILIAZV"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (32), 2025, pp. 232–276. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-232-276>

3. D'iakonov, I.M. "Po povodu vospominanii O.M. Freidenberg o N.Ia. Marre" ["On O.M. Freidenberg's Reminiscences about N.Ya. Marr"]. *Vostok — Zapad: Issledovaniia. Perevody. Publikatsii* [East — West: Studies. Translations. Publications]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 178–181. (In Russ.)

4. Konkin, S.S. "K voprosu o vydvizhenii knig M. Bakhtina na soiskanie Gosudarstvennoi premii" ["On the Question of Nominating M. Bakhtin's Books for the State Prize"]. *Nevel'skii sbornik: stat'i, pis'ma, vospominaniia*, no. 3, 1996, pp. 89–93. (In Russ.)

5. Laptun, V.I. "Khronograf zhizni i deiatel'nosti M.M. Bakhtina" ["A Chronograph of M.M. Bakhtin's Life and Work"]. *M.M. Bakhtin: pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo M.M. Bakhtina v otsenke russkoi i mirovoi gumanitarnoi mysli* [M.M. Bakhtin: pro et contra: The Personality and Work of M.M. Bakhtin as Assessed by Russian and World Humanistic Thought], vol. 1. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2001, pp. 521–549. (In Russ.)

6. Osovskii, O.E., Kirzhaeva, V.P., Dubrovskaiia, S.A., et al. *Mikhail Mikhailovich Bakhtin: lichnost' i nasledie* [Mikhail Mikhailovich Bakhtin: Personality and Legacy]. Edited by S.A. Dubrovskaiia. Saransk, Izd-vo Mordovskogo un-ta Publ., 2020. 229 p. (In Russ.)

7. Osovskii, O.E., Dubrovskaiia, S.A., Maslova, E.G., and A.V. Strukova. *Myslitel' v svoem otechestve: stranitsy istorii retseptsii lichnosti i idei M.M. Bakhtina v XX — nachale XXI veka* [A Thinker in His Homeland: Pages from the History of the Reception of M.M. Bakhtin's Personality and Ideas in the 20th — Early 21st Century]. Edited by O.E. Osovskii, series edited by S.A. Dubrovskaiia. Saransk, Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2024. 240 p. (In Russ.)

8. Ogryzko, V.V. *A sud'i kto?! Russkie kritiki i literaturovedy XX veka: Sud'by i knigi* [And Who Are the Judges?! Russian Critics and Literary Scholars of the 20th Century: Lives and Books]. Moscow, Literaturnaia Rossiia Publ., 2016. 715 p. (In Russ.)

9. Osovskii, O.E. *Chelovek. Slovo. Roman: (Nauchnoe nasledie M.M. Bakhtina i sovremenost')* [Man. Word. Novel: (The Scholarly Legacy of M.M. Bakhtin and the Present Day)]. Saransk, Trio Publ., 1993. 144 p. (In Russ.)

10. Pan'kov, N.A. *Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M.M. Bakhtina* [Questions of M.M. Bakhtin's Biography and Scholarly Work]. Moscow, MGU Publ., 2009. 719 p. (In Russ.)

11. Fridlender, G.M., Meilakh, B.S., and V.M. Zhirmunskii. "Voprosy poetiki i teorii romana v rabotakh M.M. Bakhtina" ["Questions of Poetics and the Theory of the Novel in M.M. Bakhtin's Works"]. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriiia literatury i iazyka*, vol. 30, no. 1, 1971, pp. 53–61. (In Russ.)

12. Fridlender, G.M. "Nasledie M.M. Bakhtina vchera i segodnia" ["M.M. Bakhtin's Legacy Yesterday and Today"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 1993, pp. 198–206. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.03.2026

Одобрена после рецензирования: 26.04.2026

Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 21 Mar. 2026

Approved after reviewing: 26 Apr. 2026

Date of publication: 25 June 2026